

Библиографический список

1. Доза, А. История французского языка: пер. с фр. / под ред. и с предисл. М.С. Гурычевой. – М., 2003.
2. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français. – Paris, 1919.
3. Muller, C. Les inversions du sujet et la structure de la proposition en français [Э/р]. – Р/д: http://erssab.u-bordeaux3.fr/IMG/pdf/Inversions_et_structure.pdf
4. Иеронова, И.Ю. Исторический синтаксис французского языка: Французское предложение в диахронии с XI по XVI века: методическое пособие по спецкурсу. – Калининград, 1996.
5. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
6. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2008.
7. Bally, Ch. Précis de stylistique. – Genève, 1905.
8. Deloffre, F. La phrase française. – Paris, 1975.
9. Реферовская, Е.А. Сверхфразовое единство (на материале французского языка) // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. .
10. Marouseau, J. Précis de stylistique française. – Paris, 1950.
11. Пиотровский, Р.Г. Очерки по стилистике французского языка. Морфология и синтаксис. – Л., 1960.
12. Rabelais, F. Gargantua. – Paris, 1972.
13. Navarre M., de. L'Heptameron [Э/р]. – Р/д: <http://www.quellehistoire.com/docu/heptameron.pdf>
14. Прѣвост, А.-Ф. Manon Lescaut. – Saint-Petersburg, 2004.

Bibliography

1. Doza, A. Istoriya francuzskogo yazihka: per. s fr. / pod red. i s predisl. M.S. Gurhchevoj. – M., 2003.
2. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français. – Paris, 1919.
3. Muller, C. Les inversions du sujet et la structure de la proposition en français [Eh/r]. – R/d: http://erssab.u-bordeaux3.fr/IMG/pdf/Inversions_et_structure.pdf
4. Ieronova, I.Yu. Istoricheskiy sintaksis francuzskogo yazihka: Francuzskoe predlozhenie v diakhronii s XI po XVI veka: metodicheskoe posobie po speckursu. – Kaliningrad, 1996.
5. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazihka. – M., 2000.
6. Issers, O.S. Kommunikativnihe strategii i taktiki russkoj rechi. – M., 2008.
7. Bally, Ch. Precis de stylistique. – Geneve, 1905.
8. Deloffre, F. La phrase française. – Paris, 1975.
9. Referovskaya, E.A. Sverkhfrazovoe edinstvo (na materiale francuzskogo yazihka) // Teoreticheskie problemih sintaksisa sovremennihk indoevropayskikh yazihkov. – L., 1975. .
10. Marouseau, J. Precis de stylistique française. – Paris, 1950.
11. Piotrovskiy, R.G. Ocherki po stilistike francuzskogo yazihka. Morfologiya i sintaksis. – L., 1960.
12. Rabelais, F. Gargantua. – Paris, 1972.
13. Navarre M., de. L'Heptameron [Eh/r]. – R/d: <http://www.quellehistoire.com/docu/heptameron.pdf>
14. Prevost, A.-F. Manon Lescaut. – Saint-Petersburg, 2004.

Статья поступила в редакцию 10.01.12

УДК 1(091)

Pasechnyk V.V. **EXTRAPOLATION OF THE CONCEPTS OF THE ORIENTAL GnosticISM V. SOLOVJOV'S SOPHIOLOGY.** The article exposes the main categories of the Oriental GnosticISM (Manichaeism), characterising it as a developed syncretic teaching. These categories are extrapolated into V. Solovjov's sophiology to describe its Gnostic paradigm.

Key words: **existentialism, gnosticISM, manichaeism, sophiology, cosmogony, soteriologic problems, dualism, false creation, pessimism, mystery.**

V. V. Пасечник, аспирант. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: Skiper31@yandex.ru

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ КАТЕГОРИЙ ВОСТОЧНОГО ГНОСТИЦИЗМА В СОФИОЛОГИЮ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

В статье выявляются ключевые категории восточного гностицизма (манейства), характеризующие его как развитое синкретическое учение. Эти категории экстраполируются в софиологию Владимира Соловьёва, с целью описать ее гностическую парадигму.

Ключевые слова: **экзистенциализм, гностицизм, манейство, софиология, космогония, сотериологическая проблематика, дуализм, ложное творение, пессимизм, мистерия.**

В настоящее время в отечественной и зарубежной философии активно поддерживается интерес к культуре Востока. В свете современных исследований выявлен ряд категорий восточных синкретических учений, так или иначе фигурирующих на протяжении всей истории христианства.

Однако, до сих пор не ставился вопрос о том, насколько адекватны эти категории в традиции русской религиозной философии. Связь гностицизма с трудами русских религиозных философов до недавнего времени рассматривалась лишь отдельными исследователями. Так А. П. Козырев в монографии «Соловьёв и гностики» утверждает: «Если в европейской религиозной философской науке существуют исследования, посвященные влиянию гностицизма на протестантскую мистику и философию германского идеализма, то в России специальных работ о влиянии гностицизма на русскую философию нет [1, с. 6]».

В ходе работы мы выделили четыре категории, характерных как для развитого синкретического учения, так и для трудов религиозных философов рубежа XIX-XX веков: дуализм (истинного божества и трикстера-демиурга, духа и материи), ложное (демиургическое) творение, пессимизм (неуверенность в будущем человеческого мира) и мистерия (космогонический и теогонический аспект учений). В этом и заключается новизна данного исследования.

Важным фактором в определении гностической компоненты в русской религиозной философии является ее экзистенциальная парадигма. Хотя экзистенциализм расценивается как молодое философское течение, в плане философской системы он во многом близок к архаическому гностицизму. На это указывает в своей книге «Гностическая философия: от древней Персии до наших дней» исследователь Тобиас Чертон: «Расширив

поле исследований, Йонас захотел освободить гностицизм от ограничивающего его ярлыка «христианской ереси». Он видел его появление как мировое историческое событие; гностики, по всей видимости, были первыми экзистенциалистами» [2, с. 11].

В своем роде в экзистенциализме возрождается древняя традиция анархичной мудрости, философской ереси. Как и гностицизм, экзистенциализм возвращает мысль к мифологическим, мистическим истокам, то есть задает тенденцию обновления, перерождения духовности. Поэтому истоки экзистенциальной проблематики русской религиозной философии следует искать в дохристианских и раннехристианских верованиях гностического толка.

Характеризуя гностицизм как компоненту религиозной философии, А. П. Козырев пишет со ссылкой на Н. М. Бахтина: «...самобытность русской мысли в ее отличии от западной как раз и заключается в «гностицистском дерзновении», связанном с культом и восточном богословием («душе дано живое единство целостного религиозного гнозиса, - пишет он [Бахтин], - в котором вера и знание могут быть различены лишь условно. В этом смысле восточное богословие – всё равно ортодоксальное или еретическое - глубоко гностично»)[1, с. 7]».

Важнейшей персоналией в определении гностической компоненты в русской религиозной философии можно назвать Владимира Соловьева. В его работе «Соррентийский диалог Софии» гностическая компонента представлена наиболее показательно.

В качестве развитого и сложного гностического учения нами рассмотрено манихейство. Ганс Йонас в своей книге «Гностицизм: гностическая религия», пишет, что манихейство являет собой наиболее монументальное воплощение гностического религиозного принципа, в котором было сознательно разработано догматическое и религиозное представление элементов древних религий. Кроме того, благодаря своему синкретичному характеру манихейство приобрело практически повсеместное распространение в Азии, а умозрительное «ядро» учения Мани, его абстрактный принцип неизменно присутствовал в сектантской истории средневекового христианства, «где часто «еретическое» было тождественно неоманихейскому».

Учитывая это, для более точного определения гностической компоненты в русской религиозной философии мы можем соотнести некоторые условные категории манихейской этики с проблематикой софиологии Владимира Соловьева.

Манихейство синкретично объединило в себе три важнейших религии своей эпохи: христианство, буддизм и зороастризм. Главным признаком, определяющим манихейство как учение гностического толка, является близкое к неоплатонизму идейное ядро. Таким образом к манихейству применимы следующие категории:

Дуализм. В учении Мани описывается первобытный конфликт между Светом и Тьмой. Злое начало материи выражается только в ее преступном желании овладеть Душой. Иными словами, она плоха только из-за невозможности преобладания в ней Бога. Можно сказать, что Душа как элемент космогонии, возникает в манихействе при столкновении Духа и Материи. Дух, заключенный в материю, стремящийся от нее освободить, превзойти ее – есть Душа. Душа – это Дух, поглощенный материей, то есть Тьмой в начале времен.

Ложное творение. Происхождение материального мира и человека трактуется здесь как результат ложного, дьявольского творения, в котором первоначальный божественный замысел (названный в манихейских псалмах Первым Человеком [3, с. 216]) был искажен и поруган: «Это порождение описывается со многими омерзительными подробностями, включая спаривание мужских и женских демонов, пожирание потомства их Царем и т. д.» [3, с. 224].

Пессимизм. Космогония манихейства рисует для телесного мира безрадостную перспективу: постепенное рассеивание и полную утрату всего поглощенного материей Света. Это будет означать угасание небесных светил и смерть всей одушевленной материи. Вселенная манихейства существует по принципу постепенной энтропии, возвращения к хаосу, в котором для Души не будет места.

Мистерия. Учение Мани имеет сложнейшую мистериальную модель. Взаимодействие телесного и духовного в манихействе представлено как эпическое действие, где вопрос существо-

вании в мире зла, несправедливости, страдания, выражен в трагедийном конфликте трансцендентных начал.

Труд В.С. Соловьева «Соррентийский диалог Софии» обнаруживает ряд отсылок к гностической проблематике. Исследователи, такие как Н.М. Бахтин и А.П. Козырев, усматривали в его софиологии сильное влияние неоплатонизма, отмечая при этом, что Соловьев-идеалист обычно затмевал истинного Соловьева-гностика [1, с. 7]. Таким образом, его космогонические представления так или иначе перекликались с мистическими учениями гностиков. Выяснить эти параллели возможно, соотнеся софиологию с приведенными нами категориями:

Дуализм. Трагедия творения, по мнению Соловьева, состоит в разделении Души на формальное и действительное начала, которым соответствуют в его концепции Демиург и Сатана. Если в классическом гностицизме две эти фигуры отождествлялись, то здесь они находятся в субстанциональном единстве. Процесс их «разделения» описывается автором так: «Душа – это Демиург, и точно так же она есть Сатана, но она также отличается от них обоих: лучший термин, выражающий субстанциональное тождество и актуальное разделение, – это порождение. Таким образом, мы можем сказать, что Сатана и Демиург порождены Душой, являются ее сыновьями»[4, с. 475].

Ложное творение. Перерождение души в сторону действительного начала (Сатаны). Душа и все связанные с ней процессы рассматриваются как на макро- (универсальная, мировая душа), так и на микроуровне (душа отдельного индивида). Таким образом, сотворение мира фактически отождествляется с творением и грехопадением человека. Отпадение от высшего духовного начала, универсального существа, объясняется необходимостью добровольного и свободного подчинения ему в будущем. Фактически «порождение» Душой Демиурга и Сатаны можно отождествить с демиургическим «ложным творением».

Пессимизм. Экзистенциализм софиологии заключен главным образом в ее сотериологической проблематике. Здесь выбор между божественным и антибожественным изначально делается в сторону богоборческого, природного начала. Говоря об объективном состоянии человеческого сообщества, В.С. Соловьев констатирует оторванность от универсального духовного начала, утрату человечеством целостности, богоборческий бунт, который, в конце концов, приведет к вырождению общества и гибели человечества. О таком прочтении идей Владимира Соловьева говорит в своей статье «Основная идея В.С. Соловьева» Н. Беряев: «Есть большая правда в основной мысли Соловьева. Но он не замечает, что если человечество есть половина богочеловечества, то культ человечества, оторванный от Бога и направленный против Бога, есть не половина богочеловечества, а религия, противоположная христианству»[5].

Мистерия. Соловьев графически моделирует отпадение человека от метафизического начала. Дуальные трансцендентные начала представлены здесь скорее как фигуры ума, предельно абстрактные и отвлеченные. Конфликт этих начал можно выразить как действие механических сил.

Таким образом, рассмотрев данные категории, мы можем предположить что они адекватны как манихейству, так и софиологии. В этих учениях неизменно присутствует дуалистическая космогония, фигурируют две природы – истинная и ложная, духовная и материальная, формальная и действительная. В акте демиургического творения заключается характерная для неоплатонизма идея - отклонение от божественного, эйдосного начала. Пессимизм, экзистенциальная безысходность обусловлены ее важнейшей, умозрительной идеей. Гностический космос – это в известном отношении мир, созданный Сатаной (Отцом тьмы, Демиургом). Торжество Духа, Света, Добра здесь представляется сомнительным. Что касается мистицизма, то здесь мы наблюдаем два взаимобратных процесса: у Соловьева дуальные трансцендентные начала возникают путем «разделения» Души, в манихействе Душа – это результат соединения дуальных начал, при котором дух заключен в телесной природе.

Соответствие категорий синкретического учения в манихействе и софиологии позволяет предположить существование некой стойкой парадигмы, объединяющей эти учения. Таким образом, представляется возможным отслеживать развитие идей и категорий восточного гностицизма от ранних этапов существования христианства до возникновения трудов русских религиозных философов.

Библиографический список

1. Козырев, А. П. Соловьев и гностики: научное издание / А. П. Козырев. – М.: Изд. Савин С.А., 2007.
2. Чертон, Т. Гностическая философия: от древней Персии до наших дней / Т. Чертон. – М.: Изд-во РИПОЛ классик, 2008.
3. Йонас, Г. Гностицизм: Гностическая религия / Г. Йонас. СПб.: Лань, 1998.
4. Соловьев, В.С. Второй диалог. Космический и исторический процесс / В.С. Соловьев // Козырев, А. П. Соловьев и гностики: научное издание / А. П. Соловьев, Ч. 3. – М.: Изд. Савин С.А., 2007.
5. Бердяев, Н.А. Основная идея В.Л. Соловьева / Н.А. Бердяев [Электронный ресурс] – URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/soloviev2.html>

Bibliography

1. Kozihrev, A. P. Solovjev i gnostiki: nauchnoe izdanie / A. P. Kozihrev. – M.: Izd. Savin S.A., 2007.
2. Cherton, T. Gnosticheskaya filosofiya: ot drevney Persii do nashikh dneij / T. Cherton. – M.: Izd-vo RIPOL klassik, 2008.
3. Yjonas, G. Gnosticism: Gnosticheskaya religiya / G. Yjonas. SPb.: Lanj., 1998.
4. Solovjev, V. S. Vtoroj dialog. Kosmicheskiy i istoricheskiy process / V.S. Solovjev // Kozihrev, A. P. Solovjev i gnostiki: nauchnoe izdanie / A.P. Solovjev., Ch 3. – M.: Izd. Savin S.A., 2007.
5. Berdyayev, N. A. Osnovnaya ideya V.L. Solovjeva / N. A. Berdyayev [Elektronniy resurs] – URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/soloviev2.html> (data obratneniya: 29.10.11)

Статья поступила в редакцию 13.01.12

УДК 81'373

Yakimov P.A. THE LEXEMES POTTER AND CLAY IN SISTEM OF LEXICAL MBODIMENT OF RELIGIOUS PRESENTATIONS In the article the attempt of analysis of lexemes is undertaken potter and clay, that acquire the religious component of value as contextual value. An author calls to lexicographic description of these lexemes; to the analysis of contexts with them from Decrepit and New Precepts, and also from the National corps of Russian.

Key words: lexemes, semantic structure of word, religious component of value.

П.А. Якимов, канд. пед. наук, доц. ОГУ, г. Оренбург, E-mail: pyakimov@mail.ru

ЛЕКСЕМЫ *ГОНЧАР* И *ГЛИНА* В СИСТЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье предпринимается попытка анализа лексем *гончар* и *глина*, которые приобретают религиозный компонент значения в качестве контекстуальной семы. Автор обращается к лексикографическому описанию данных лексем; анализу контекстов с ними из Ветхого и Нового Заветов, а также из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: лексем, семантическая структура слова, религиозный компонент значения.

Религиозные представления – это знания и мнения о человеке, об обществе, а также о Высших силах, которые складываются в результате интенционального когнитивного взаимодействия с самой религией, ее объектами и субъектами, как правило, имеют личную значимость для человека и выступают в качестве жизненных ориентиров.

Отражая знания, мнения, ценности, религиозные представления получают то или иное выражение в языковых единицах, совокупность которых является фрагментом языковой картины мира. При анализе лексических воплощений религиозных представлений необходимо выделение специфического семантического компонента, присутствующего в единицах лексики, относящихся к семантическому полю «религия», например, сема «верховное существо, управляющее миром» в составе семантической структуры лексемы *Бог* или сема «место, уготованное душам праведников, где они пребывают в вечном блаженстве и близости к Богу» в составе семантической структуры лексемы *рай*. Такую сему следует определить как религиозный компонент значения.

Религиозный компонент значения в различных словах имеет идентичное значение – «связанный с верой в Бога» [1, с. 15]. Однако религиозный компонент значения может входить не только в семантическую структуру слова, относящегося к семантическому полю «религия» (в виде архисемы или денотативной семы), но и в структуру других слов (в виде контекстуальной или коннотативной семы). С этих позиций нами рассматриваются лексем *гончар* и *глина*.

В русском языке, по данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я Черных, форма «гончар» не ранняя [2, с. 203]. Ссылаясь на исследования И.И. Срезневского, составитель словаря отмечает форму *Гончари* как название местности в «Хожении» Игнатия Смольянина, датированном серединой XV века. Однако в «Материалах для словаря

древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского находим указание на употребление данной формы и в более ранних текстах, например, *Съсудь гърньчаря*. Жит. Ниф.; *Еда не иматъ власти гърньчарь от того же кала* (=скульдельникъ). Никон. Панд.¹ [3, с. 617-618]. И.И. Срезневский приводит четыре графических варианта данной формы: *гърньчарь*, *гърньчарь*, *гърчарь*.

Определяя происхождение данной лексемы, авторы исторических и этимологических словарей указывают на ее общеславянскую основу **гътьсѣгъ*, производную от общеславянского корня **гътьсь* – «горшок» [2, с. 203; 4, с. 212; 5, с. 438]. Согласно данным О.Н. Трубочева, слово *гончар* образовано с помощью суффикса -(j)арь, обозначающего производителя действия [4, с. 212], т.е. *гончар* – буквально *горшечник*.

Существует еще одна интересная, но малоизвестная версия этимологизации данной лексемы. Автор книги «Загадки Русского Междуречья» указывает, что продуктивный для русского языка и других индоевропейских языков суффикс *-ар*, участвующий в образовании слова *гончар* (а также слов: *амбар*, *вар*, *кашевар*, *загар*, *дар*, *жар*, *базар*, *комар*, *кенарь*, *гусар*, *нектар*, *сахар*, *овчар*, *гончар*, *бочар* и др.), сопряжен в далеком историческом прошлом с понятием «арии» – само названием исторических народов Древнего Ирана и Древней Индии (II–I тыс. до н. э.), говоривших на арийских языках индоевропейской семьи языков [6].

Согласно данным И.И. Срезневского, лексема *глина* в русском языке употребляется не позднее чем, с XII века, о чем свидетельствует цитата из рукописи «*Иполита епископа съказанія о Христе и о антихристе*»: «*Часть Едина желнзо, а дрѣга глина*» [3, с. 519]. Общеславянская форма **glinā* восходит к прандоевропейскому корню **glei-*, нашедшему отражение (правда, с некоторыми фонетическими изменениями) во многих современных индоевропейских словах с близким значением: лит. *glioti*